

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Ради „нихъ“.

(Идиллія).

Въ маленькой комнаткѣ, съ низкимъ, за-
мощеннымъ потолкомъ, слабо мерцаетъ лам-
пада предъ божицей въ углу. Ея дрожащія
руки родилъ на стѣнахъ неуставно трепе-
тущія пуливыя тѣни и онѣ, ползая вверхъ
и внизъ то покрываютъ собой, то открыва-
ютъ яркія дешевыя картинки, изображающія
„Страшный судъ“, „Путь праведника и грѣш-
ника“ и другіе наивные ужасы въ этомъ
родѣ, бѣдно и грубо иллюстрирующіе досто-
инства добродѣтели и недостатки порока.

Кромѣ мерцанія лампы, въ комнату вхо-
дитъ еще длинная полоса свѣта откуда-то
изъ сивозъ стекла четырехъугольнаго
отвертія въ визкой, обитой клеенкой двери.
Эта полоса ложится свѣтлой тропой на полъ,
покрытый колицевымъ половикомъ, и тѣни
отъ лампы, порой какъ-бы прыгаютъ че-
резъ нее. Пахнетъ деревяннымъ масломъ,
и еще чѣмъ-то такимъ-же тяжелымъ. Вся
комната тѣсно заставлена. По одной ея
стѣнѣ стоитъ широкая дупспальная кровать,
за спиной кровати — громадный покрытый
ковромъ сундукъ, потомъ божица. А про-
тивъ всего этого помѣщается неуклюжий,
старинный коммодъ, рядомъ съ нимъ опять
большой сундукъ, за нимъ столикъ, а между
столикомъ и дверью на стѣнѣ виситъ гора
одежды. Впереди, у широкаго окна, стоитъ
другой столикъ, два стула по бокамъ его,
одинъ посрединѣ, на столикѣ лампа, двѣ рам-
ки съ портретами и толстая книга въ кожѣ.
Это все и этого болѣе чѣмъ много для ма-
ленькой комнатки, напоминающей собою ско-
рее казармовую, чѣмъ жилое помѣщеніе.

Въ окно смотреть темносинее небо лѣтней
ночи, молчаливое и меланхоличное съ золоты-
ми крапинками безпокойно дрожащихъ звѣздъ.
Порой стекла окна дребезжатъ отъ шума
проѣхавшей по улицѣ пролетки. Полумракъ
въ этой убогой влѣтушкѣ увеличиваетъ раз-
меры загромождающихъ ее предметовъ и отъ
безмолвной игры тѣней все свободное про-
странство среди комнаты кажется населен-
нымъ призраками. Яркія пятна картинъ на
стѣнахъ смотрятъ какъ чьи-то четырехъ-
угольные, большіе и уродливые глаза. И
все въ этомъ тѣсномъ чуланѣ пропитано
свѣтлымъ и тяжелымъ мертвымъ запахомъ.
Свѣтлый четырехъугольникъ въ двери
когда застываетъ собой какое-то темное
пятно... Тогда полоса свѣта на полу вдра-
живаетъ и на секунду исчезаетъ, потомъ
опнова является, какъ широкій мечъ вонзаясь
въ сумракъ и пугая своимъ появленіемъ на-
блюдающія его тѣни. Но безмолвіе не ожив-
ляется этимъ движеніемъ свѣта, только изъ
двери доносятся въ пустоту комнаты

шелконье косточекъ счетъ, характерный
звонъ денегъ и удары чѣмъ-то тяжелымъ по
мѣдной доскѣ.

..... Дверь отворяется и въ комнату вхо-
дитъ маленькій сухой старикъ, съ острой
сѣдой бородой въ тяжелыхъ очкахъ на
красномъ, хрящеватомъ носу, въ бѣломъ,
длинномъ передникѣ и съ лампой въ рукѣ.
За нимъ стоитъ, держась за скобу двери
старушка, сгорбленная временемъ, съ голо-
вой, наклоненной къ землѣ. Она оба окиды-
ваютъ быстрымъ взглядомъ внутренность
каморки, старикъ ставитъ лампу на столикъ,
крестится и сиповато говорить.

— День прошелъ и — слава Богу?

— Слава-те Господи! вторить ему старуха.

— Чайку попьешь?

Ужъ извѣстно! — И старушка возвра-
щается назадъ въ помѣщеніе, заваленное
мѣшками муки, ящиками, банками. Это —
маленькая баналейная лавочка, универсаль-
ный магазинъ захолустной улицы города. Въ
ней продаютъ коленкоръ и деготь, иголки
и сѣно, угли, варенье, табакъ, кислую ка-
пусту — все, что ежедневно нужно людямъ,
считающимъ деньги копейками, да и то
рѣдки случаи, когда эти копейки можно счи-
тать, имѣя ихъ въ своихъ рукахъ, а не въ
воображеніи.

Пока старушка возится въ лавкѣ, ста-
рикъ проходитъ впередъ къ столу и зажи-
гаетъ лампу, тихо напѣвая себѣ подъ носъ
какой-то тронарь. Комната сразу прини-
маетъ жилой видъ и теперь можно ясно
разобрать неописуемая муки грѣшниковъ
на картинѣ „Страшнаго Суда“.

— И-имъ-же Ты хва-алимъ... Мать! за-
хватика-съ счеты оттуда..

— Знаю чай... — ворчливо отвѣчаетъ ста-
рушка, гремя чайной посудой..

— То-то.. Имъ-же Ты ве-елича-аемъ..

Заложивъ руки за спину, онъ останавли-
вается предъ „Страшнымъ Судомъ“ и пе-
рестаетъ пѣть, въ тысяча первый разъ раз-
сматривая, какъ корчатся грѣшники, па-
даемые огнемъ адовымъ, похожимъ на снопы
красной соломы. Каждый грѣшникъ поджа-
ривается въ отдѣльномъ помѣщеніи и пред-
ставляетъ вмѣстѣ съ огнемъ, объявшимъ
до половины его скрюченное муками тѣло,
нѣчто очень похожее на половинку елочной
хлопушки, изъ которой высунулся сюрпризъ.

— О-отъ кности мояя мяси борють мя
страсти, во Самъ мя заступи и спаси, Спасе
мой... — баскомъ и речитативомъ произноситъ
старикъ и, отходя отъ картины, глубоко воз-
дыхаетъ..

— Отецъ, неси-ко самоваръ-отъ! — коман-
дуетъ мать изъ лавочки..

— Готовъ ужъ? Ай да ты у меня! Ки-
пучая! — говоритъ отецъ, идя въ лавку, а на-
встрѣчу ему несется ворчливое, но поль-
щенное:

— Ну ужъ! —

«Это у них происходит каждый день послѣ того, какъ они закроютъ свою лавочку и на свободѣ захотятъ попить чайку. Рѣдко варьируются ихъ одинокіе вечера; почти всегда, кончая торговлю, онъ начинаетъ пѣть тропари, и ирмосы, и кондаки, она ставитъ самоваръ, потомъ они садятся пить чай и за чаемъ считаютъ дневную выручку и свои барыши.»

Вотъ они за столомъ. Самоваръ шипитъ и курлыкаетъ, «мать» сняла платокъ съ головы поправила шелковую «головку» на своихъ сбѣдыхъ волосахъ и паливаетъ отцу чай въ фарисовый бокалъ съ отбитой ручкой, который служить уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Передъ ней—сивая, съ черной трещиной, большая чашка, блюдечко съ медомъ, крендели... Передъ нимъ счеты—и длинная узенькая книга, исцѣпренная крупными иероглифами, выведенными карандашомъ... Онъ воззаетъ свои маленькіе быстрые глазки, съ красными вѣками, въ книгу и кладетъ сухой, крючковатый и коричневый палецъ на грязные косточки счетъ.

— Ну-ко-ся, Господи благослови!

И старуха крестится, благоговѣнно взглядывая на божницу. Потомъ она переводитъ глаза на палецъ мужа, то и дѣло передвигая косточки счетъ, и слѣдить за нимъ, смачно прихлебывая съ блюдечка чай. Минуть пять вся комната полна шелканьемъ счетъ, шепотомъ старика, читающаго свои цифры, и бульканьемъ чая въ горлъ старухи. Ея сморщенное, какъ смятая перчатка, лицо—целно вниманія, большіе черные, давно уже тусклые глаза не отрываются отъ счетъ, и она, по инерціи поднося блюдечко ко рту лѣвой рукой, правой оперлась о спинку стула старика и смотритъ ему черезъ плечо.

У него на лицѣ—напряженіе математика, рѣшающаго сложную задачу.

— Мыло... полфунта 6 к., махорка 4 к., гривенникъ... и-да... А всего итого отпущено сегодня въ долгъ на девять шесть гривенъ! Вотъ какъ!

— Мишка сапожникъ отдалъ восемнадцать то копеекъ?—освѣдомляется старуха.

— Сапожникъ? Просилъ приписать къ старому долгу. Это дѣло пропащее... и зачѣмъ ты ему отпустила?

— Да я, говорить, въ субботу отдамъ всё...

— Какъ это онъ можетъ отдать? Жена у него больная, самъ онъ безъ работы, а Манька знать ихъ не хочетъ... гуляетъ себѣ и больше никакихъ.

— Да вѣдь у тебя росписка на него есть?

— Росписка есть... Возня. Къ мировому надо, а снѣ, мировой то, по гривеннику съ листа прошенія возьметъ... да разная другая канитель... Глядишь—вмѣсто пяти то сорока и получишь четыре цѣлковыхъ, а это не разонъ...

— У нихъ благословенная икона есть въ

серебряной рѣзѣ... она рублей въ восемь цѣной...—напомнила старуха.

— Это я знаю... Прохвость заложить, пожалуй...

— Пускай заложить ни кому другому, а все намъ же...

— Намъ-то, намъ... да вѣдь подѣ нее надо дать хоть цѣлковый, а съ долгомъ-то это ужъ будетъ шесть сорокъ...

— И то мы въ барышѣ...

— Мы всегда будемъ въ барышѣ, потому мы съ тобой люди прозорливые... А только и то надо помнить—какой барышъ...

— Ну ужъ не все по многу...

— И это вѣрно... Да-ко-ся мнѣ медку-то...

Минуты двѣ продолжается молчаніе, прерываемое только звучнымъ хлебываньемъ чая съ блюдечекъ. Старики сосредоточенно дуютъ на дымящійся чай и посматриваютъ въ открытое окно на ночное, торжественно важное небо и на робкія звѣзды его...

— А опять вывѣзало, —говоритъ старикъ, вышивъ свой стаканъ,—завтра ведрено будетъ.

— Теперь такіе дни должны быть всплош до новаго мѣсяца... Мѣсяць будетъ обмываться—опять дожди пойдутъ, поясняютъ старуха.

— А какъ ты думаешь про Загарину—барыню?..

— А думаю такъ, что надо будетъ исполнителный то листъ пустить въ дѣйствіе. Описать у нея всё хурды-мурды да и въ чистую ее...

— Въ богадѣльню-то ее не приняли...

— Н-ну?! Значитъ надо поторопиться намъ, а то она все продавать учить. Чѣмъ ей кромѣ жить?

— На паперть—одна дорога... Она медни къ ней татары приходили... Я смотрѣла—продать чегъ или нѣтъ? Не продала...

— Видишь? Завтра я ее подожду. А можетъ она и продала что мелкое?

— Кажись-бы нѣтъ...—съ сомнѣнемъ сказала старуха.

— Погибла дворянка...—помолчавъ рѣшилъ старикъ.

— Да ужъ... Всѣ они теперь такъ живутъ...

— Ну, туда и дорога. Въ свое время пожили, попиравали... теперь давай дорогу другимъ.

Старикъ многозначительно улыбнулся, взглянувъ въ лицо своей жены, и оба они перевели глаза на портреты, стоявшіе за самоваромъ. На одномъ изъ нихъ былъ снятъ рослый гимназистъ съ угловатымъ, рѣзкимъ лицомъ, на другомъ—полная дѣвочка, съ длинной косой, переброшенной черезъ круглое плечо на грудь, и высокимъ лбомъ съ упрямой складкой надъ переносьемъ.

— Вотъ они... новые то жители земли...—кивнулъ головой старикъ и его сухое, острое лицо Гарпагона оживилось доброй и мягкой улыбкой... Старушка тихонько хихик-

нуда тоже вся преображенная. Но это скоро прошло у них, ибо еще не вполне вступилась час родительски вѣжныхъ чувствъ.

— Александру то надо будетъ послать рублей... съ четвертную, — вачалъ задумчиво и хмуро старикъ... — Хоша снѣ за урокъ и получаетъ, однако въ такомъ кругу ему нужно слѣдить за собой. Брюки тамъ новые и все такое. Товарищи... Тоже молодость и...

— Испортишь его, смотри! — предупредила старуха.

— Сашутку-то?.. Его тысячами не испортишь, онъ свою дорогу твердо знаетъ. Вотъ я съ Загариной да съ Унжецова взыщу и пошлю ему...

— Чай и Сонѣ пора высылать...

— И Сонѣ пошлю... Не бойсь не забуду...

— И какъ она, я все думаю, живетъ тамъ, среди иностранцевъ-то? То то, чай, дико бѣднейшей дѣвонькѣ... — пригорюнилась старуха.

— Ничего... живетъ! Пишетъ — хорошо. Швейцары — народъ простой, смиренный, — не нашъ братъ русакъ... — Вонъ третьеводни Сачковъ какой скандалъ поднялъ. Ореть — донесу, говорить, заклады тайно принимаешь!.. Подай, говорить, мои вещи. А проценты седьмой мѣсяцъ, мошенникъ, не платить. Теперь подь закладъ-то ему я даль тридцать, по полтора рубля въ мѣсяцъ считай — ужъ и стало сорокъ!.. Этого не понимаетъ, кривая рожа... Донесу! А доноси! Найди у насъ чтонибудь, ищи, вотъ-те всѣ сундуки!

Старикъ взволновался — у него покраснѣлъ и задрожалъ носъ и очки запрыгали. Онъ даже закашлялся отъ негодованія.

— А Господь съ ними со всѣми, — миролюбиво сказала старуха и добавила: — что они намъ могутъ сдѣлать? Докричать — да къ намъ же въ нуждѣ своей придуть. А что не любятъ насъ въ окологдѣ — пускай! Насъ есть кому любить... Вонъ они, — она кивнула головой на портреты и снова мягко улыбулась съ увлажненными глазами...

— Это такъ, — соглашался старикъ, успокаиваясь. — Это вѣрно.. Но всетаки ежели я захочу прытко дѣйствовать — польулицы какъ послѣ пожара очутится. По міру пойдетъ!.. Потому — документы! — и онъ, внушительно стукнувъ сухими пальцами по столу, строго посмотрѣлъ на жену.

— А Господь съ ними, пускай ихъ живутъ — неизмѣнно твердила старуха. — Чего-ты серчаешь, коли тебѣ твоя сила известна?

— Обидно, мать, принимаешь? Одни — мы что-ли на землѣ грѣшники? А выходить какъ-бы одни.. Всѣ на насъ зубы точать, всѣ злорадствуютъ.

— А намъ больно наплевать, — философски возразила старуха. — Али Господь Батюшка не видитъ, для чего мы съ тобой живемъ? Онъ все видитъ! Его святой судъ будетъ,

ну и отвѣтимъ мы предъ Нимъ. А люди намъ не помѣха.

— Это вѣрно... — снокойно сказала старикъ. — Напилась ты? Ну такъ собирай да ложись, а я псалтирь почитаю часокъ...

— Ну-ну, я сейчасъ.. Почитай-ко-сь, и утихомиришья словомъ-то Божьимъ. А серчать, я тебѣ всегда говорю, не надо. Не для себя вѣдь мы, для родныхъ-кровныхъ дѣтей. Выростимъ ихъ, выучимъ, — они вину нашу предъ Господомъ, людямъ заслужатъ. Будутъ образованные, царевы и Боговы вѣрные люди. Ну ради нихъ мы и согрѣшимъ, такъ, чай, не во грѣхъ будетъ зачтено. Вѣдь и птичка Божія птенчиковъ своихъ выкармливаетъ, жучковъ да Божьихъ коровокъ какаетъ, такъ-то..

— Это истинно.. Будетъ Соня докторшей, а Санька учителемъ..

— А онъ вѣдь адвокатомъ хотѣлъ? — быстро сказала старуха, переставъ мыть чашки.

— Расхотѣлъ. Чай я читала тебѣ письмо то? Перехожу, говорить, на философическій... въ учителя значить, — пояснилъ старикъ и, задумчиво глядя на портретъ, добавилъ. — Да-а-леко онъ пойдетъ! Твердая у него голова.

— Дай-ко Ты Господи! — молитвенно сказала старуха.

— И Соня тоже... Вознаградилъ насъ Господь Богъ за наши труды... да! Удались намъ дѣтки! — воскликнулъ старикъ.

— А ты еще скулишь — люди, люди! А что намъ люди? Зачѣмъ они намъ люди?

— И вѣрно! Ахъ, мать, и какъ это вѣрно ты сказала! — Онъ даже глаза зажмурилъ отъ удовольствія и съ улыбкой покачалъ головой, а его старуха, опершись руками о столъ, улыбалась двумъ портретамъ глубоководной улыбкой матери.

— Ну, готова я, садись, читай. А я Богу молиться стану, — сказала она, оторвавшись отъ стола..

— Налюбовалась... — счастливо засмѣялся старикъ.

...Черезъ нѣсколько минутъ въ маленькой тѣсно заставленной комнатѣ сдѣлалось тихо. Небо все смотрѣло въ ея широкое окно и звѣзды блестяли на немъ. На улицѣ было безмолвно и темно.

Стоя на колымажѣ передъ божницей, закинувъ голову назадъ, такъ что затылокъ почти ложился на горбъ, старуха съ влажными глазами, какъ бы задыхалась, прерывисто шептала слова своихъ молитвъ:

— Помози ей Господи въ чужой сторонѣ, — слышалось въ комнатѣ.

А старикъ монотонно — растягивая слова и произнося ихъ въ носъ, въ полголоса читалъ:

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста..

М. Горькій.